

ГЕОПОЛИТИКА GEOPOLITICS GEOPOLITIK

Збигнев БЖЕЗИНСКИЙ

Второй шанс Америка и мир

Геополитика (АСТ)

Збигнев Бжезинский
**Второй шанс. Америка
и мир (сборник)**

«Издательство АСТ»

2007, 2008

УДК 327 (73)
ББК 66.4 (7Coe)

Бжезинский З. К.

Второй шанс. Америка и мир (сборник) / З. К. Бжезинский —
«Издательство АСТ», 2007,2008 — (Геополитика (АСТ))

ISBN 978-5-17-982640-8

В книге «Второй шанс» автор дает глубокий анализ внешнеполитической деятельности трех президентов США — Буша-старшего, Клинтона и Буша-младшего, ставших после исчезновения двухполюсного мира «глобальными лидерами». По мнению З. Бжезинского, за время, прошедшее после окончания холодной войны, США уже растратили значительную часть своей мощи, но по-прежнему обладают достаточным потенциалом, чтобы использовать, несмотря на противодействующие факторы, второй и последний шанс на глобальное лидерство. В книге «Америка и мир» З. Бжезинский и Б. Скоукрофт вместе пытаются найти ответ на самый больной вопрос, почему супердержава номер один, не зная конкурентов после распада СССР и считавшаяся оплотом свободы и толерантности, вдруг стала объектом всеобщей ненависти и недоверия? По мнению авторов книги, изменения в отношении мира к США не являются результатом административных ошибок какого-либо конкретного американского правительства. Вовсе нет. Они полагают, что меняется «сама природа силы». Но каковы эти перемены? И как Америке к ним приспособиться?

УДК 327 (73)
ББК 66.4 (7Coe)

ISBN 978-5-17-982640-8

© Бжезинский З. К., 2007, 2008

© Издательство АСТ, 2007, 2008

Содержание

Второй шанс	7
1	7
2	14
3	26
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Збигнев Бжезинский, Брент Скоукрофт

Второй шанс. Америка и мир (сборник)

Zbigniew Brzezinski SECOND CHANCE: THREE PRESIDENTS AND THE CRISIS OF AMERICAN SUPERPOWER

Zbigniew Brzezinski and Brent Scowcroft AMERICA AND THE WORLD: CONVERSATIONS ON THE FUTURE OF AMERICAN FOREIGN POLICY

Печатается с разрешения издательства Basic Books, an imprint of Perseus Books LLC, a subsidiary of Hachette Book Group, Inc. (США) при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия).

© Zbigniew Brzezinski, 2007

© Zbigniew Brzezinski and Brent Scowcroft, 2008

© David Ignatius, 2008

© Перевод. О. Колесников, 2017

© Перевод. И. Добровольский, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

* * *

Второй шанс

Три президента и кризис американской сверхдержавы¹

1

Перед лицом глобального лидерства

Самовольная коронация президента США в качестве первого глобального лидера была историческим моментом, хотя и не отмеченным особой датой в календаре. Произошло это после распада Советского Союза и окончания холодной войны. Американский президент просто начал действовать в своем новом качестве без всякого международного благословения. Средства массовой информации Америки провозгласили его таковым, иностранцы выразили ему свое уважение, и визит в Белый дом (не говоря уже о Кэмп-Дэвиде) сделался апогеем в политической активности лидера любой страны. Поездки президента за границу приобрели все имперские атрибуты, затмевающие по своим масштабам и мерам безопасности выезды всех других государственных деятелей.

Эта коронация де-факто была менее импозантной, но, безусловно, более значительной, чем ближайший подобный исторический прецедент – провозглашение в 1876 году британским парламентом королевы Виктории императрицей Индии. На блистательной церемонии, прошедшей через год в Нью-Дели и ставшей событием, символизирующим уникальный мировой статус Великобритании, присутствовали, как об этом было официально объявлено, «князья и представители высшей администрации и индийской знати, в лице которых величие прошлого соединялось с процветающим настоящим и которые достойно служили величию и стабильности великой империи». С тех пор выражение «солнце над Британской империей никогда не заходит» стало гордым рефреном верноподданных служителей первой глобальной империи.

Увы, преданные льстецы недооценили переменчивость истории. Руководствуясь больше имперской спесью, чем историческим предвидением, Британская империя менее чем за четверть века запуталась в происходившем слишком далеко от нее конфликте. В результате двух последовавших одна за другой англо-бурских войн, дискредитировавших «либеральную» Британскую империю, Гитлер получил образец концлагерей и тюрем для пленных на отдаленных островах, принадлежащих Великобритании, британская армия увязла в затяжной партизанской войне – и все это привело к политическому расколу и финансовой напряженности в самом центре империи. Затем последовали две опустошительные и изматывающие мировые войны, и вскоре великая империя стала всего лишь младшим партнером занявших ее место Соединенных Штатов Америки.

Возведение Америки в ранг мирового лидера в некотором отношении напоминает коронацию императора Наполеона, выхватившего имперскую корону из рук папы и возложившего ее на собственную голову, считая себя избранником истории, направляющим революционное пробуждение французских масс на путь великой реконструкции Европы. *Liberté, Fraternité, Egalité* (свободу, равенство, братство) нужно было навязать силой всем европейцам – хотя бы они этого или нет. И примерно десятилетие спустя после того, как президент США провозгласил, что исторической миссией Америки (и его собственной) становится ускорение трансформации не только культуры и политики всего исламского мира, все говорило о том, что новое столетие – это время Америки, и задача Америки состоит в формировании его особенностей.

¹ Zbigniew Brzezinski. *Second Chance: Three Presidents and the Crisis of American Superpower*. Перевод с английского – Олег Колесников, Наталия Синицына.

Симптоматично, что полтора десятилетия лидерства Америки стали периодом присутствия Вооруженных сил США во всем мире и все более активного участия в военных действиях и операциях принуждения. Присутствуя на всех континентах и доминируя на всех океанах, Соединенные Штаты не имеют себе равных в политическом или военном отношении. Любая другая держава в это время была по сути региональной.

Так или иначе, многим странам мира приходится жить, имея у себя под боком Сухопутные или Морские силы США (см. рис. 1).

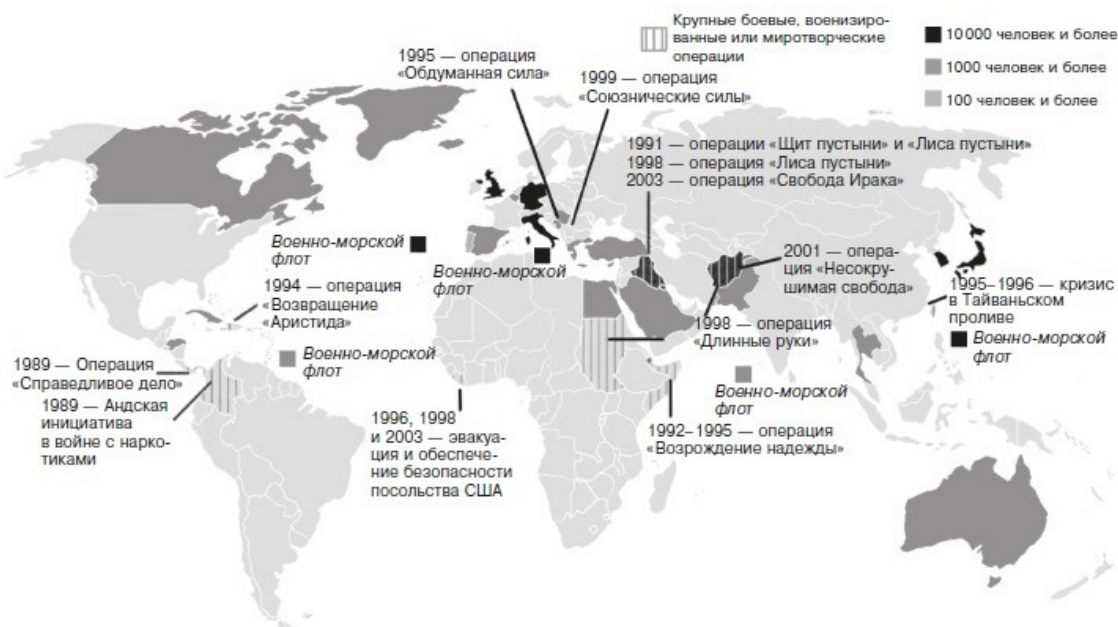

Рис. 1. Военные операции и развертывание Вооруженных сил США после окончания холодной войны

Пятнадцать лет — всего лишь эпизод в масштабах истории. Но мы живем во время ускоренного развития истории темпами, невообразимыми еще несколько десятилетий назад. Поэтому уже сейчас можно дать стратегическую оценку международной роли Америки в период, прошедший со времени (примерно в 1990-х годах), когда она стала единственной мировой сверхдержавой. Никогда прежде в истории не было, чтобы лишь одна держава занимала верховенствующее положение. Поэтому для безопасности и благополучия не только самой Америки, но и для всего мира в целом жизненно важно, осуществляет ли Америка свое всемирное руководство ответственно и эффективно.

Кроме совершенно очевидной потребности в обеспечении собственной национальной безопасности, возвышение Америки до уровня самого могущественного государства в мире возложило на Вашингтон три главные миссии:

1. Руководить, направлять и формировать основные силовые отношения в мире нестабильного геополитического равновесия и возрастающих национальных ожиданий, для того чтобы могла возникнуть глобальная система более активного сотрудничества.

2. Сдерживать или прекращать конфликты, препятствовать терроризму и распространению оружия массового уничтожения и способствовать коллективному поддержанию мира в раздираемых гражданскими войнами регионах, чтобы насилие в мире не распространялось, а шло на убыль.

3. Находить более эффективные решения проблем неравенства в сфере человеческих отношений, делать это в соответствии с новыми реальностями возникающего «глобального

сознания» и побудить к совместным действиям в связи с загрязнением окружающей среды и другими экологическими угрозами глобальному благополучию.

Все эти задачи существовали пятнадцать лет назад и сейчас продолжают сохранять свое масштабное значение. И все вместе они – испытание способности Америки быть мировым лидером.

Масштабность этого исторического испытания неизбежно подводит к следующему острому вопросу: как понимали реальность новой эры три первых глобальных лидера – президенты Америки Джордж Г. У. Буш, Уильям Дж. Клинтон и Джордж У. Буш? Руководствовались ли они историческим предвидением и была ли адекватной их стратегия? Какие решения в области внешней политики были наиболее важными? Улучшили они или ухудшили положение в мире, и усилилось или, наоборот, ослабло положение самой Америки? И какие главные уроки должны быть извлечены из ее доминирования в мире в качестве первой глобальной сверхдержавы за пятнадцать прошедших лет?

Таким образом, говоря кратко, в этой книге рассматриваются одна сверхдержава, пятнадцатилетний период и три президента.

Но сформированная в результате оценка не сводится лишь к критике. В книге также сформулированы основные стратегические выводы и фундаментальные тенденции, наблюдаемые в текущий момент истории, осознание которых полезно для будущих американских президентов. Даже самая могущественная сверхдержава мира может сбиться с правильного пути, поставив свое первенство под угрозу, если стратегия ее окажется неверной, а понимание мира ошибочным.

Более того, американцам необходимо спросить себя: руководствуется ли их общество ценностями, соответствующими эффективному и долговременному глобальному лидерству, и действует ли подобным образом американское правительство? Понимают ли они смысл того исторического момента, когда их страна оказалась в роли мирового лидера? Эти жизненно важные вопросы ставятся в заключительной главе, следующей за критическим обзором происходивших событий. В этой главе делаются выводы на основе недавнего прошлого, содержатся размышления о том, что может произойти в будущем, и формулируются основные принципы, которые должны направить Америку на успешное выполнение своего исторического предназначения.

Таким образом, эта книга содержит субъективные утверждения. В ней не рассматривается в деталях ход истории, хотя и дается обзор событий, необходимый для ответов на сформулированные выше вопросы. Моя оценка вытекает также из моего личного опыта в политике и в анализе международных событий в качестве заинтересованного наблюдателя. Она отражает некоторые из моих прежних суждений, но при этом в них вносятся изменения в свете полученного опыта.

Хотя в этой книге дана общая критическая оценка как положительных результатов, достигнутых Америкой в ходе выполнения новых задач, так и имевших место неудач, в ней уделяется особое внимание руководящей деятельности трех президентов. Именно они персонифицировали и воплощали в конкретных делах особый статус Америки в современном мире, и именно они принимали окончательные решения.

Но поскольку их успехи и неудачи – это заодно успехи и неудачи страны, последствия этих решений значат гораздо больше, чем просто отчеты о деятельности трех главных действующих лиц. Таким образом речь идет о результатах, достигнутых Америкой в положении глобального лидера.

Лидерство – частично характер, частично интеллект, частично организация, а частично то, что Макиавелли называл «фортуной» – мистическая взаимосвязь судьбы и случая. В США с их системой разделения властей внешняя политика – такая сфера, которая дает президентам самую большую свободу действий. Нигде слава, помпезность и власть президента не ощуща-

ются так сильно, как в международных делах. Любого президента захватывает и пленяет обладание такой уникальной властью и уникальным доступом к информации, которыми кроме него не обладает никто. И конечно, есть особая привлекательность в том, что это государственный деятель глобального масштаба, то есть самый влиятельный в мире.

И все же президенты вовлечены в эту деятельность в различной степени. Некоторые уделяют внешним делам основное внимание, хотя редко говорят об этом. Они во многом полагаются на советников по национальной безопасности, тем самым повышая их роль. Эти люди всегда у президента под рукой, встречаются с ним по нескольку раз в день и помогают формировать перспективные планы. Совет национальной безопасности (СНБ) пользуется поэтому особым статусом в Белом доме как исполнительный инструмент президентской воли в обеспечении интересов страны и в общении с внешним миром.

Другие президенты считают главной сферой своей деятельности внутренние дела и полагаются в международных вопросах на государственных секретарей. Госсекретарь при этом получает большую свободу действий в формировании политического курса и в команде президента, занимающейся внешней политикой, играет роль первого среди равных. Советник по вопросам национальной безопасности становится, таким образом, управляющим директором администрации и координатором политики, в то время как президент больше полагается на мнение госсекретаря и его департамента. Президент Никсон и его советник по вопросам национальной безопасности Киссинджер относились к первой категории, отдавая главенствующую роль Совету национальной безопасности, работающему под непосредственным руководством президента, а президент Форд и госсекретарь Киссинджер – ко второй, с Государственным департаментом, приобретшим ведущую роль. Президент Картер (несмотря на его поначалу ограниченный опыт в международных делах) также относился к первой категории, возвысив СНБ, тогда как президент Рейган, назначив руководителем Совета сначала генерала Александра Хейга и затем Джорджа Шульца, совершенно определенно делегировал вопросы внешней политики своему государственному секретарю.

Совершенно ясно, что все эти комбинации не представляют собой какие-то особые системы, но они помогают нам лучше понять различие стилей руководства внешней политикой. Джордж Г. У. Буш, первый глобальный лидер, стал президентом, уже имея значительный опыт в международных делах, поскольку прежде возглавлял неофициальное посольство США в Китайской Народной Республике, был представителем США в ООН и директором ЦРУ. Он знал, чего хочет добиться, и избрал своим советником по вопросам национальной безопасности человека, разделявшего его взгляды, способного быть опытным и эффективным «вторым я» самого президента да к тому же бывшего другом его семьи.

Билл Клинтон, второй глобальный лидер, не имел опыта в международных делах. Он стал главой администрации, не имея ясного представления о новой американской роли в мире и, как он сам подчеркивал во время избирательной кампании, считал, что пришло время более внимательного отношения к внутренним делам Америки. Внешняя политика была у него на втором месте, и в течение его первого президентского срока два главных внешнеполитических поста – ни пост советника по национальной безопасности, ни пост государственного секретаря – не были заняты теми, кто склонен доминировать в разработке стратегической линии.

Но во время второго президентского срока Клинтона внешняя политика явно стала более важным направлением президентской деятельности. Оба ключевых поста заняли политически активные фигуры, а сам президент принимал непосредственное участие в проведении внешней политики, не позволяя никому из советников играть доминирующую роль. Такая организационная сбалансированность отличалась от обеих указанных выше моделей и иногда отражалась на качестве разработки стратегического курса.

Третий глобальный лидер, Джордж У. Буш, поначалу доверил внешнюю политику признанной национальной фигуре, генералу в отставке, в свое время рассматривавшемуся мно-

гими в качестве привлекательного кандидата на пост президента. Казалось, что Буш склоняется ко второй модели. Но это продолжалось недолго. События 11 сентября, произошедшие в первый год его первого президентского срока, вывели президента из состояния внешнеполитической летаргии. Генерирующий политику центр переместился в Белый дом, где доминирующую роль должен был играть не советник по вопросам национальной безопасности, а вице-президент и группа высокопоставленных сотрудников Белого дома и Министерства обороны. Они имели свободный доступ к президенту и помогали ему пересматривать политику в качестве главнокомандующего «страны, ведущей войну».

Подобная модель сохранялась и в течение второго президентского срока Буша. Замена государственного секретаря Колина Пауэлла Кондолизой Райс, занимавшей во время первого президентства Буша пост советника по национальной безопасности, повысила роль Государственного департамента в системе принятия внешнеполитических решений, в которой на стратегическом уровне доминирующее положение все еще занимала та же самая группа официальных лиц. Они отреагировали на 11 сентября тем, что убедили президента в необходимости выполнения им личной, чуть ли не религиозной исторической миссии.

Таков в общих чертах бюрократический контекст, в котором формировалась политика США с момента возвышения Америки над всеми другими государствами мира. При этом чрезвычайно возросла роль президента в сфере национальной безопасности и возникли серьезные и весьма спорные конституционные последствия.

Все три президента Америки, с тех пор как она победила в холодной войне, были самыми важными игроками в самой важной мировой игре, и каждый играл свою роль, избирая свой собственный путь. Можно сказать, что глобальный лидер № 1 был наиболее опытным и искусным в дипломатии, но не имел какого-либо четкого плана действий в очень необычный исторический момент. Глобальный лидер № 2 был наиболее ярким и футуристически мыслящим, но ему не хватало стратегической последовательности для использования мощи Америки. Глобальный лидер № 3 обладал сильным природным чутьем, но не знал всей сложности мировых проблем и был склонен к догматичности в формулировках.

Далее приводится краткое резюме, обобщающее те фундаментальные изменения, которые произошли в глобальной среде в течение первых пятнадцати лет беспрецедентного американского первенства. Эти события берутся за основу, на которой в последующих главах книги будет оцениваться деятельность первых трех американских глобальных лидеров. Нижеприведенный перечень в сжатой форме отражает возможности, которыми располагала Америка, и действия, ведущие к тому сложному кризису, перед которым в настоящее время стоит американская сверхдержава.

Десять ключевых событий в 1990–2006 годах

Следующие поворотные точки меняют мировую систему.

1. Советский Союз, находясь в состоянии распада, вынужден уйти из Восточной Европы. Соединенные Штаты стоят на вершине мира.

2. Победа США во время первой войны в Персидском заливе не принесла политических результатов. Мир на Ближнем Востоке не достигнут. Враждебность исламистских сил по отношению к США начинает нарастать.

3. Расширение НАТО и Европейского союза на Восточную Европу. Атлантическое сообщество становится доминирующим игроком на мировой арене.

4. Создание Всемирной торговой организации, новая роль Международного валютного фонда с его резервным фондом и антикоррупционные мероприятия Всемирного банка представляют собой систему институтов и мер, институционально оформляющих глобализацию. «Сингапурские проблемы» становятся основой «раунда Дохи» в переговорах под эгидой ВТО.

5. Финансовый кризис в Азии создал предпосылки для возникновения восточноазиатского регионального сообщества, характер которого будет определяться либо доминирующей ролью Китая, либо конкуренцией между Китаем и Японией. Вступление Китая в ВТО способствует превращению Китая в глобального экономического игрока и центр региональных торговых соглашений с более бедными странами – политически напористыми и нетерпеливыми.

6. Две войны в Чечне, участие НАТО в конфликте в Косово и избрание Владимира Путина президентом усиливают авторитарную и националистическую тенденции в России. Россия использует свои нефтяные и газовые ресурсы, чтобы занять прочную позицию энергетической сверхдержавы.

7. Снисходительно-либеральное отношение со стороны Соединенных Штатов и других государств позволяет Индии и Пакистану бросить вызов мировому общественному мнению, стремясь стать ядерными державами. Северная Корея и Иран усиливают маскируемые действия по созданию собственного ядерного потенциала при непоследовательных и слабых попытках США побудить их к самоограничению.

8. Состояние страха, в которое события 11 сентября 2001 года ввергли США, подтолкнули к проведению односторонней и жесткой политики. Соединенные Штаты объявили войну террору.

9. Вопрос о войне США в Ираке расколол атлантическое сообщество. Европейский союз не сумел выработать свою собственную линию или программу.

10. Всеобщая уверенность в глобальном военном могуществе США, возникшая после 1991 года, и иллюзии Вашингтона о силе Америки были поколеблены неудачами США в побежденном ими Ираке. Соединенные Штаты признают необходимость сотрудничества с Европейским союзом, Китаем, Японией и Россией по основным вопросам глобальной безопасности. Ближний Восток становится испытанием стремления США сохранить свое мировое лидерство.

Действующие лица

По уже объясненным причинам в последующих главах книги три президента США упоминаются по именам, в то время как их главные советники часто фигурируют лишь как официальные лица по выполняемым ими функциям, указанным в приведенном ниже списке.

Главные действующие лица:

Джордж Г. У. Буш Президент Соединенных Штатов 1989–1993

Глобальный лидер № 1.

Билл Клинтон Президент Соединенных Штатов 1993–2001

Глобальный лидер № 2.

Джордж У. Буш Президент Соединенных Штатов 2001–2009

Глобальный лидер № 3.

Ключевые советники:

Администрация Буша I

Советник по национальной безопасности: Брент Скоукрофт 1989–1993

Государственный секретарь: Джеймс Бейкер 1989–1993

Министр обороны: Ричард Чейни 1989–1993

Администрация Клинтона

Советник по национальной безопасности: Энтони Лейк 1993–1997

Государственный секретарь: Уоррен Кристофер 1993–1997
Министр обороны: Лес Аспин 1993–1994
Министр обороны: Уильям Перри 1994–1997
Советник по национальной безопасности: Сэнди Бергер 1997–2001
Государственный секретарь: Мадлен Олбрайт 1997–2001
Министр обороны: Уильям Коэн 1997–2001

Администрация Буша II

Советник по национальной безопасности: Кондолиза Райс 2001–2004
Государственный секретарь: Колин Пауэлл 2001–2004
Министр обороны: Дональд Рамсфелд 2001–2006
Советник по национальной безопасности: Стивен Хэдли 2005–2009
Государственный секретарь: Кондолиза Райс 2005–2009
Министр обороны: Роберт Гейтс 2006–2011

2

Туман победы (и противоречивые оценки истории)

История может быть представлена в виде фарса, особенно если это отвечает целям политики. После окончания холодной войны, столь неожиданного и внезапного, миллионам американцев неоднократно говорили, что поражение советского коммунизма было делом лишь одного человека. В простейшем выражении такое толкование истории могло походить на волшебную сказку, ну, например, такую:

Когда-то на Планете Земля существовала Империя Зла, стремившаяся к глобальному доминированию. Но, встретившись с принцем Рональдом из Республики Свободы, Империя отпрянула в ужасе и вскоре – 26 декабря 1991 года – ее кроваво-красный флаг был спущен на башне Кремлевского замка. Империя Зла униженно признала свое поражение, а Республика Свободы с тех пор зажила счастливо.

Однако все было не совсем так. И менее романтическое изложение произошедшего необходимо для понимания новых трудных для интерпретации дилемм, с которыми столкнулась Америка, оказавшись на волне своего стремительного возвышения до уровня единственной сверхдержавы мира.

Поражение Советского Союза было результатом сорокалетних усилий двух партий, принимавшихся в течение президентства Гарри Трумэна, Дуайта Эйзенхауэра, Джона Кеннеди, Линдона Джонсона, Ричарда Никсона, Джеральда Форда, Джимми Картера, Рональда Рейгана и Джорджа Г. У. Буша. Каждый американский президент внес существенный вклад в такой исход дела. Но помогали этому и другие фигуры – такие как Папа Иоанн Павел II, лидер польского движения «Солидарность» Лех Валенса и инициатор разрушительной перестройки советской системы Михаил Горбачев.

Иоанн Павел II зажег огонь духовной энергии в политически подавленной Восточной Европе, раскрывая людям пустоту идеологической обработки, проводившейся коммунистами на протяжении десятилетий. В поисках путей оживления советской системы Горбачев неожиданно для самого себя обнажил основные противоречия стерильного бюрократического тоталитаризма. И что еще хуже для расшатавшейся советской диктатуры, он дал свободу диссидентскому движению, воздержавшись от сталинских репрессий. Движение «Солидарность» в Польше почти в течение десятилетия успешно выдержало введенное коммунистами военное положение и добилось политического компромисса, завершившегося окончанием коммунистической монополии на власть, что в свою очередь ускорило перемены в соседних Чехословакии и Венгрии и привело к кульминационному разрушению Берлинской стены.

Чрезвычайно важно, что несколько президентов США разделяли общее понимание нависшей угрозы, которую представлял собой советский коммунизм. Они удерживали советский режим от применения военной силы в целях расширения своего влияния, навязывая ему соперничество в политической и социально-экономической сферах, где Советский Союз находился в невыгодном для себя положении. Дуайт Эйзенхауэр укрепил альянс НАТО. Джон Кеннеди отразил попытки Кремля добиться стратегического прорыва во время берлинского и кубинского кризисов в начале 1960-х годов. Он также начал драматическую гонку за лидерство в полете на Луну, которая, отвлекая советские ресурсы, лишила Советский Союз потенциально возможного идеологического и политического триумфа. Материалы недавно открытых советских архивов показали, насколько решительно советские лидеры готовились победить Аме-

рику в этой гонке, как велика была их политическая уверенность в ее исходе и какой переворот вызвал американский успех в мировой оценке советского технологического превосходства в период после запуска спутника.

Провал американских военных действий во Вьетнаме и стремление сократить военные расходы побудили президента Никсона искать пути к достижению разрядки в отношениях с Советским Союзом на базе признания статус-кво. Но вскоре другой президент – Джимми Картер развернул кампанию в защиту прав человека, которая в соединении с духовным призывом Иоанна Павла II заставила советскую систему занять идеологическую оборону. Картер также возобновил и технологические усилия США в военной области. После вторжения русских в Афганистан он стал первым президентом за все годы холодной войны, который предоставил вооружение воюющим против Советов и одновременно стал создавать инфраструктуру для военного присутствия США в Персидском заливе. Вслед за Картером Рональд Рейган четко и откровенно бросил вызов советским устремлениям во всех сферах и проводил свою линию с политической решимостью, обратившись ко всему миру с широким и эффективным призывом. Все эти действия в совокупности способствовали тому, что проводимая Горбачевым перестройка привела к общему кризису советской системы. Преемнику Рейгана Джорджу Г. У. Бушу, который с дипломатическим искусством использовал ситуацию крушения коммунизма, досталось пожинать ее исторические плоды.

И все же через пятнадцать лет после падения Берлинской стены Америку, тогда гордую и вызывавшую во всем мире восхищение, теперь повсюду встречают открытой враждебностью, ее легитимность и доверие к ней рушатся, ее вооруженные силы увязли в болоте новых «Общепризнанных Балкан», простирающихся от Суэца до Синьцзяна ([см. схему на рис. 4](#)), ее прежние верные союзники отдаляются от нее, и опросы мирового общественного мнения показывают широко распространенную враждебность по отношению к Соединенным Штатам. Почему?

Неясные ожидания

Те благоприятные возможности, которыми могла воспользоваться Америка накануне XXI века, к 2006 году было трудно вспомнить. Кровавое состязание за мировое господство в XX веке – самый жестокий и смертоносный конфликт в истории – только что завершилось в результате двух эпических противоборств.

Капитуляция нацистской Германии и имперской Японии соответственно в мае и августе 1945 года – таков финал самой неистовой попытки добиться глобальной гегемонии силой оружия. А почти через полвека, в конце декабря 1991 года, спуск красного флага над Кремлем стал знаком не только развала Советского Союза, но и конца упорствующей в своей неправоте идеологии, также стремившейся к глобальному доминированию.

Май 1945 года обозначил новую позицию Америки как главной демократической державы мира; декабрь 1991 года утвердил Америку как первую в мире глобальную державу. Парадоксально, что разгром нацистской Германии повысил международный статус Америки, хотя она и не сыграла в этом решающей роли. Заслуга достижения военной победы над гитлеризмом должна быть признана за сталинистским Советским Союзом, одиозным соперником Гитлера. И напротив, роль Америки в политическом поражении Советского Союза была в самом деле центральной.

Но крушение Советского Союза было не настолько четко обозначенным и не таким внезапным, как капитуляция нацистской Германии и имперской Японии. Оно было беспорядочным, затянувшимся, проблематичным в своих последствиях, вызванным противоречивыми причинами и двусмысленным в своих проявлениях. Даже переименование Советского Союза в Содружество Независимых Государств вызывало вопросы. Было ли это «Содружество» лишь

новым названием старой российской имперской системы или новая империя, которая так долго управлялась из Кремля, действительно распалась?

Неопределенность усиливалась и от того, что дискредитация советского коммунизма и дезинтеграция Советского Союза не могли быть объяснены лишь одной причиной или обозначены точной датой. Декабрь 1991 года был, по существу, символической датой, кульминацией целой серии событий, неудач, ошибок и действий – как внутренних, так и внешних, которые, сложившись, разнесли загнивавшее сооружение, претендовавшее на непобедимость и историческую неизбежность. Лишь позднее мир оказался в состоянии полностью оценить геополитическое и идеологическое значение этого тектонического разлома.

Последствия произошедшего, отчетливо видимые в 1945-м, не были такими ясными в 1991-м. В 1945 году принесенные победой возможности были наивно охарактеризованы как нечто, по словам Франклина Делано Рузвельта, означающее «один мир», хотя это нечто уже было разделено на два лагеря. От радости, что пришел конец кровавой бойне, и от надежд на мирную жизнь люди буквально танцевали на улицах. Четыре с половиной десятилетия спустя их реакция такой не была. В столицах победоносного Атлантического союза не было танцев на улицах, когда распался Советский Союз. Конечно, еще до этого проявлялась радость в новой освободившейся Варшаве, а позднее – в Праге и Будапеште и в воссоединенном Берлине, но Запад выражал скорее облегчение, нежели энтузиазм.

Усложняло восприятие событий и сдерживало ожидания людей то, что к концу холодной войны мир, который приняла Америка накануне XXI века, не находился в состоянии покоя и равновесия. Избавившись от призрака третьей глобальной войны между возглавлявшими два лагеря сверхдержавами, вооруженными до зубов ядерным оружием, мир обратился к другим заботам. Он стал чувствительным к усиливающимся националистическим стремлениям и этнической нетерпимости, более склонным погружаться в эгоистичную роскошь потворствования традиционным антагонизмам и религиозной почве. Таким образом, конец холодной войны не только возродил надежды; он также разжег новые страсти, менее масштабные по сути, но более примитивные по своим побуждениям.

И все же возможности, которыми располагала Америка, были гораздо большими, чем в 1945 году, хотя и не такими очевидными. Американская держава не имела равного себе соперника; никакая угроза для нее не исходила ни с западного, ни с восточного, ни с южного фронта великой холодной войны на огромной шахматной доске Евразии. Европа в 1991 году, все еще почти разделенная, активно «атлантизировала» себя. Ее западная часть была прочно привязана к США узами НАТО, в то время как восточная, освободившаяся от советского доминирования и снова ставшая Центральной Европой, жаждала допуска в привилегированное и во многом идеализированное ею Евроатлантическое сообщество. Воссоединение Германии происходило в восторженной атмосфере из-за выхода из-под опеки и в то же время с серьезной недооценкой долговременных социальных трудностей и финансовых затрат.

Более того, Атлантический союз был примерно таким же сильным, как и всегда. На последнем этапе холодной войны, в 1989–1990 годах, имели место разногласия по поводу воссоединения Германии, когда в силу исторических причин ни Маргарет Тэтчер, ни Франсуа Миттеран не разделяли решимости Джорджа Г. У. Буша и Гельмута Коля как можно скорее положить конец разделению страны. Но вскоре воссоединение Германии стало свершившимся фактом. То, что объединение Германии в действительности будет означать конец франко-германского лидерства в возникающей новой Европе (где Франция имела возможность извлекать выгоду из раздела Германии), еще не было настолько очевидным.

Более обещающим было состояние взаимоотношений между Америкой и Европой. Европейское сообщество последовательно укрепляло свое единство, готовясь ввести общую валюту и стать обновленным и расширенным Европейским союзом в атмосфере трансатлантической политической сердечности. Атлантическое партнерство выглядело стратегической реально-

стью не только благодаря НАТО, для которой победа в холодной войне была сама по себе ее историческим утверждением, но и распространялось на отношения между Соединенными Штатами и Европейским сообществом, выходя за географические границы Европы. Шли разговоры и о более масштабном партнерстве, чтобы придать конструктивную направленность развитию мира, освободившегося от нависшего ужаса третьей мировой войны. Америка и Европа могли бы теперь вместе продолжать выполнять традиционную для Запада роль глобального руководства.

Такова была риторика времени, обещание исторического момента, манящая возможность, которая полтора десятилетия спустя будет казаться отдаленной и нереальной. Подъем Азии все еще виделся далекой перспективой, и главным кандидатом в Азии на ведущую роль была Япония, все чаще характеризующаяся как «западная» демократия и член трехстороннего клуба вместе с Америкой и Европой. Движение Европы к еще большему единству порождало спекуляции относительно будущей мировой роли такого союза, и французские геополитические стратеги занимались перспективными проектами реставрации французско-европейского величия. Равенство с Америкой еще не воспринималось как предзнаменование отделения, и мало кто тогда представлял себе сегодняшнюю расширившуюся Европу еще более отдаленной от Америки и при этом беспомощной в глобальном смысле.

Эта пробуждавшая надежды новая реальность не была всеобщей. Советский Союз, бывший империей, испытывал острые приступы националистического сепаратизма, мгновенно приводившие к вспышкам этнического насилия. Дезинтеграцию многонациональной Югославии вызвали те же причины. Акты насилия, симптоматичные для этого времени, проводились от имени демократии и самоопределения, ассоциируемых с победоносной Америкой и часто провозглашаемых их приверженцами в надежде, что это вызовет симпатию и поддержку Соединенных Штатов.

Бывшие советские лидеры были заняты собственным превращением в лидеров России или других новых независимых государств. Наиболее обещающим путем к завоеванию народной популярности для бывших коммунистических руководителей, особенно в Армении и Азербайджане, стали территориальные претензии к постсоветским соседям, подобным же образом ставшим новыми независимыми национальными государствами.

На Дальнем Востоке ни Китай, ни Япония еще не представляли собой серьезной проблемы для американского влияния и не подошли еще к грани регионального кризиса. Но они тщательно и вдумчиво оценивали новую глобальную ситуацию. Китай, находившийся в начальной стадии своей тщательно продуманной и политически управляемой социальной трансформации, расширял сферу частной инициативы от сельского хозяйства до мелкой торговли и производства, а затем и до сферы крупномасштабной индустриальной деятельности, пока еще не сознавая, что через пятнадцать лет он будет восприниматься как еще одна потенциальная сверхдержава. Его главной государственной задачей было не допустить отделения Тайваня, получив на это международную санкцию. Геополитически Китай пожинал плоды своего успешного, наполовину закрытого стратегического сотрудничества с Америкой и окончательного поражения советской агрессии в Афганистане. Китайско-американские взаимоотношения были гибкими и с американской точки зрения стратегически продуктивными.

Соседом Китая, едва соприкасающимся с дальневосточной границей распадающегося Советского Союза, был изолированный северокорейский режим. Внезапно лишенный советской защиты и уже с большим подозрением следивший за китайско-американской стратегической солидарностью, скрепленной совершенным за десять лет до этого советским нападением на Афганистан, диктаторский режим Северной Кореи исподволь начинал искать доступ к обладанию собственным ядерным оружием.

Трудно теперь вспомнить, насколько иначе виделась Америке пятнадцать лет назад та же Япония. Во второй половине 80-х годов прошлого века Япония считалась восходящим сверх-

государством. Покупка Японией Рокфеллеровского центра в Нью-Йорке вызвала в Америке опасения, что Япония очень скоро может занять место Америки как самой жизнеспособной и инновационной экономической державы. Хотя это беспокойство не отразилось на политике, оно все же способствовало укреплению в сознании японской элиты мысли, что место Японии в мире не может целиком определяться статьей 9 разработанной Америкой японской Конституции, приговорившей Японию к пацифизму, или Американо-японским договором об обороне. Этот договор, по которому Америка брала на себя обязательства обеспечивать оборону Японии, фактически превратил Японию в протекторат США, поскольку не содержал ответных обязательств Японии, касающихся обороны Америки, какие существуют в НАТО. Но в этом отношении положение складывается подобным образом, и Токио со все возрастающей уверенностью признавалось частью нового трехстороннего партнерства с Соединенными Штатами и Европейским союзом.

За советским поражением в Афганистане последовало американское пренебрежение по отношению к будущему этой страны, симптом безразличия к региону, который в течение десятилетия остается «Общемировыми Балканами» Америки, – огромная территория, простирающаяся от Суэца до Синьцзяна в Китае, раздираемая внутренними конфликтами и являющаяся зоной иностранного вторжения. Иран упорствует в своей фундаменталистской враждебности к Америке и, возможно, представляет региональную проблему, но его способность создать серьезную угрозу была подорвана длившейся почти десятилетие войной, развязанной Ираком. Среди иранской интеллигенции и молодежи имеют место проявления оппозиции религиозному экстремизму, дающие надежду на постепенное развитие в сторону более умеренного курса.

Распад Советского Союза весьма сильно отразился на положении арабских стран, в особенности Ирака и Сирии, которые опирались на советскую военную помощь и политическую поддержку в своих враждебных действиях против Израиля. Лишившись стратегического покровителя, непримиримые арабские государства теперь пребывают в состоянии растерянности. Игра Анвара Садата на условиях, предложенных Америкой, начатая Никсоном и доведенная до конца Картером, казалась разумной, и этот урок не прошел даром даже для Организации освобождения Палестины с ее ошибочной стратегией и близорукой тактической линией. Впервые с момента посредничества Картера в Кэмп-Дэвиде в 1978 году перспектива мира на Ближнем Востоке перестала быть миражом.

Кастровская Куба в непосредственной близости от отчего дома стала теперь стратегически изолированным аванпостом. Не являясь больше трамплином для революции на континенте и наглядным свидетельством глубокого проникновения Советского Союза в сферу влияния США, утратив значение базы для более скромных региональных устремлений в Центральной Америке, кубинский режим теперь лишен своего главного союзника, своего спонсора, поставщика вооружений и субсидий. Кастро счел интерес Китая в использовании прибыли как стимула экономического развития идеологически подозрительным, и распад Советского Союза, казалось, подтвердил его опасения, что либерализация была крайне заразной инфекцией, которую необходимо подавить в самом начале. Поскольку кастровская Куба теперь не выглядит будущим латиноамериканской политики, самосохранение диктует самоизоляцию.

С окончанием холодной войны изменилось также представление о глобальной безопасности. По мере того как вероятность ядерной войны между двумя сверхдержавами шла на спад, проблема распространения ядерного оружия стала по-новому насущной, и международная договоренность о том, каким путем его остановить, по-видимому, стала более достижимой. В то время ни Северная Корея, ни Иран не выглядели претендентами на обладание ядерным оружием, которыми они стали позднее. Но отказ Индии от нераспространения был более чем подозрительным, и его влияние на Пакистан было вполне очевидным. Тайное приобретение

Израиля также не было секретом. Тщательно отслеживались и попытки, предпринимаемые Южной Африкой. Проблема явно становилась все более значительной.

Сохранение мира в странах и регионах, не способных сделать это собственными политическими усилиями или подвергнувшись сильным разрушительным воздействиям извне, стало еще одной трудной проблемой. Во время холодной войны любая реакция на возникшую гражданскую войну неизбежно вела к расширению конфликта сверхдержав, и это само по себе сдерживало развитие ситуации. После холодной войны коллективные усилия по поддержанию мира осуществлялись как законные и практикуемые действия, предпринимаемые на региональной или международной основе. Но возникали нескончаемые вопросы относительно обязательств участников операций по сохранению мира, распределения полномочий и того, за кем остается политическое руководство.

И наконец, не менее важным было то, что так называемый третий мир после исчезновения «второго мира» утратил свою политическую роль. Третий мир, который часто называют блоком неприсоединившихся стран, лишился стратегического значения еще и потому, что после распада Советского Союза само понятие «неприсоединение» потеряло смысл. Но его огромные социальные и экономические трудности все увеличивались, часто из-за нетерпения его многочисленного и политически все более пробуждающегося населения, становясь глобальными проблемами. Вместе с тем возрастающее политическое значение некоторых ключевых развивающихся государств, прежде всего Индии, Бразилии и Нигерии, означало, что центральные политические, экономические, финансовые и социальные проблемы более бедной части человечества становятся все более важной мировой проблемой.

В поисках определенности

По окончании холодной войны еще не было ясно, что нас ждет в будущем. Закончилась ли эра революций? Настал ли вечный мир вместо холодной войны? Стал ли триумф американской демократии в ее длительной борьбе с советским тоталитаризмом свидетельством возникновения международного демократического сообщества? Или возникают новые угрозы? Какое понятие могло бы определить смысл и суть этого времени и определить цель нового общемирового статуса Америки? В самом деле, в чем же должна заключаться ее всемирная роль?

Эти вопросы не встали со всей определенностью, во всяком случае сразу, как следствие появления Америки в качестве мировой сверхдержавы. Коронация Америки как глобального лидера стала ситуационным фактом, а не миропомазанием. Но необходимость политически ориентированной интерпретации новой эры, естественно, возникла, даже если она еще и не была осознана на общественном уровне из-за туманной неясности вокруг Америки, оказавшейся на высочайшей вершине рода человеческого. Ответы на все вопросы не могли быть получены сразу.

Карл Маркс как-то заметил, что сознание обычно отстает от реальности. Другими словами, понимание сути социально-политических изменений не предшествует им и даже не сопровождает их, а наступает после того, как они произошли. Так и случилось с новыми историческими дилеммами, вставшими перед Америкой. Появилась настоятельная потребность в ясной перспективе, которая могла бы заменить устаревшие формулы, определявшие поведение Америки на мировой арене в период холодной войны. Принимая во внимание ограниченность человеческих возможностей осознавать сложный комплекс реальностей и угадывать направление развития, потребовалось около десятилетия, чтобы перспектива могла быть ясно очерчена и были найдены ее приверженцы.

Поначалу были лишь формальные рассуждения о новой глобальной ситуации и возможностях, которые в ней заключены, и все ограничивалось туманным, но позитивно звучащим лозунгом «новый мировой порядок». Его привлекательность была в том, что он означал мно-

гое для многих. Для тех, кто стоит за традиционные ценности, «порядок» предполагает стабильность и преемственность, для реформаторов прилагательное «новый» означало пересмотр приоритетов, а идейно убежденные интернационалисты в слове «мировой» слышали отрадное известие о том, что теперь путеводной звездой становится всеобщность. Однако выдвинувшая этот лозунг американская администрация была переизбрана прежде, чем его значение могло быть полностью осознано, а приход к власти новой администрации совпал с появлением более четко сформулированных и целенаправленно продуманных альтернатив.

Это интеллектуальное замешательство продлилось недолго, и появились две все более несовместимые версии прошлого и видения будущего глобального устройства, доминирующие в американском представлении. Их не следует считать идеологическими системами в том виде, в котором они существовали в течение двадцатого столетия. В них не было доктринерской сути, и они не были провозглашены как непогрешимые и основополагающие документы или маленькие красные книжечки-цитатники. В отличие от жестких тоталитарных предшественников это была смесь мнений, верований, лозунгов и излюбленных изречений. Каждая точка зрения создавала рамки для относительно гибких формулировок, основанных на широко разделяемых убеждениях, изложенных в самом общем виде, извлеченных из истории, или социальной науки, или даже религии, при этом склонность к догматизму смягчалась прагматическими традициями американской политической жизни.

Первая из этих двух организующих мировую систему версий лучше всего может быть охарактеризована словом, тесно связанным с самим предметом, – глобализация. Название второй вытекает из источника ее доктринерского содержания – неоконсерватизм. Обе идеи претендовали на выражение внутреннего содержания истории. Первая, лишенная интеллектуального изящества своего противника и не пропагандируемая так широко, имела несколько источников вдохновения. Ее сторонники сфокусировались на общем значении технологии, коммуникационных систем и торговли, а также финансовых потоков, из анализа которых они делали выводы, имеющие значение для положения и роли Америки в мире. Два слова лучше всего передают смысл этой версии: взаимозависимость и соединенность.

Во всем мире глобализация стала интригующим, сверхмодным и привлекательным словом. Она подразумевала прогресс или процесс, противоположный статичности и к тому же считающийся неизбежным. Она органично соединяла объективный детерминизм с субъективной способностью принимать решение. Утверждение, что взаимозависимость была новой реальностью международной жизни, определяло глобализацию как легитимную политику нового века. Американские представления о глобализации включали в себя инновацию, движущую силу истории, конструктивное использование возможностей, а также соединение американских национальных интересов с глобальными. Таким образом, глобализация была подходящей доктриной (и прекрасным источником лозунгов) для победителя в только что закончившейся холодной войне.

Поскольку глобализация предполагала американское лидерство, Америка не выдвигала его настойчиво. Но глобализация изначально подразумевала какое-то отправное начало, стимулирующее и генерирующее движение, и Америка – хотя и не называемая прямо – была наиболее вероятным кандидатом. Глобализация также не имела ничего общего с мертвой коммунистической доктриной, с ее установленным центром мировой революции, служащим непогрешимым источником правды в мире, обреченным на классовую борьбу. Глобализация лишь намекала на то, что Америке предназначено быть источником энергии и центром, направляющим мировой процесс, являющийся интерактивным и спонтанным в самой своей основе. Включаясь в глобализацию, Америка отождествляла себя с тенденцией исторического развития, всеобъемлющей, никого не исключаящей, не устанавливающей какие бы то ни было лимиты на потенциальные выгоды.

Конечно, некоторые группы были бы отодвинуты, чьи-то узкие интересы могли бы пострадать и не обошлось бы без болезненных изменений в структуре занятости и производства. Но для энтузиастов новой эры эти ограничения были проходящей фазой, почти автоматически исправляемой саморегулированием. Глобализация виделась как путь к всеобщему равновесию, перераспределяя выгоды для многих и компенсируя первоначальные трудности немногих. А Америка, как передовой отряд глобализации, осуществляла бы свое лидерство, усиленная материально и при этом получая моральную поддержку.

Глобализация обладала еще одним преимуществом: она несла с собой оптимизм. После тревог холодной войны и неопределенности, вызванной ее последствиями, глобализация выглядела жизнерадостной и вселяла уверенность в благотворное воздействие динамической взаимозависимости. С энтузиазмом воспринятая президентом Клинтоном, она пробуждала надежду в мире растущей взаимозависимости, идущему по пути многосторонней кооперации «в будущее». Ее наиболее пылкие защитники даже объясняли развал Советского Союза не столько последствиями сталинских преступлений или результатом сопротивления антикоммунистических сил, сколько неудачей советских попыток эффективно соответствовать экономическим и технологическим требованиям нового времени.

И наконец, для глобализации была готова и мощная поддержка не только среди деловой элиты Америки, но и в мире многонациональных корпораций, которая ширилась и росла в ущербные десятилетия холодной войны. Фактически значительная часть этой элиты, озабоченная быстро усиливавшейся в мире социальной и экономической нестабильностью, возлагала большие надежды на то, что единственная оставшаяся сверхдержава примет глобализацию почти как мантру.

Глобализация не сразу стала главенствующим фактором в американском видении мира. Она ускорялась за счет расширения своего пространства, становясь привычным термином среди специалистов по международным делам, воспринятая бесчисленными частными и государственными организациями, постепенно превращаясь в любимую политическую концепцию верящего в свое историческое предназначение американского президента. Таким образом, идея многосторонней кооперации стала опираться не столько на угрозы международной безопасности, сколько на благостные обещания глобальной взаимозависимости.

Уделяя поначалу внимание только экономической перспективе, сторонники глобализации быстро поняли, что ее привлекательность может быть значительно усилена за счет политической составляющей, и тогда было выдвинуто мнение, что глобализация непременно приведет к усилению демократии. И этот логический довод стал особенно полезен, когда критики доктрины утверждали, что она служит средством оправдания максимизации прибыли и инструментом инвестиционной политики в отношении экономически успешных стран с деспотическими режимами. Кровавая бойня на площади Тяньаньмэнь в 1989 году вызвала резкую критику со стороны правозащитников, заявлявших, что энтузиасты глобализации безразличны к правам человека.

Историю развития глобализации нельзя свести лишь к какой-то конкретной и общепризнанной интеллектуальной классике и, конечно, к какому-либо единственному догматическому источнику. Она завоевала признание в основном благодаря пропаганде средствами массовой информации, лозунгам, газетным передовицам, международным конференциям и встречам и изданию книг, предназначенных для общего чтения.

Наиболее заметными были книга журналиста «Нью-Йорк таймс» Томаса Фридмана «Лексус» и оливковое дерево» (*The Lexus and Olive Tree: Understanding Globalization*, 1999), а также известная публикация Бенджамина Барбера «Джихад против Мак-мира» (*Jihad vs. McWorld: How the Planet Is Both Falling Apart and Coming Together and What This Means for Democracy*, 1995). Затем появились более академические работы Джозефа Стиглица «Глобализация: тревожные тенденции» (*Globalization and Its Discontent*, 2002), Джагдиша Бхагвати «В

защиту глобализации» (*In Defense of Globalization*, 2004) и еще одна весьма популярная книга Томаса Фридмана «Плоский мир» (*The World Is Flat*, 2005). Таким образом, глобализация была одновременно популяризирована и получила научное обоснование, почти став доктриной.

При президенте Джордже У. Буше расцвела новая доктрина – более сухая по своему выражению, более пессимистическая по направленности и более манихейская по настроению. В противоположность экономическому детерминизму, почитаемому сторонниками глобализации (марксистами в своем роде), приверженцы неоконсерватизма были более воинствующими (и таким образом, ленинистами). В вопросе происхождения доктрины Буш сознательно возвращался назад к феномену Рейгана, узаконивая себя ретроспективной исторической интерпретацией этого феномена, осмеянной в начале этой главы.

В течение своей политической карьеры Рональд Рейган умело использовал весьма распространенное среди американцев мнение, что Америка ведет напряженную борьбу, состязаясь с советским коммунизмом. К середине 1970-х годов Рейган уже воспринимался как политик, предлагающий более решительный альтернативный курс, чем пессимистическая концепция разрядки Никсона – Киссинджера. К концу десятилетия республиканцы, выбирая кандидата в президенты, отдали предпочтение Рейгану, обошедшему Джеральда Форда. В 1980 году Рейган выиграл президентские выборы, победив вторично выдвинувшего свою кандидатуру демократического президента Джимми Картера, который воспринимался недостаточно сильным противником советскому вызову и репутация которого пострадала из-за унижительного захвата американских заложников в Тегеране.

Коалиция, игравшая ведущую роль в выработке общей международной позиции, которая была названа доктриной Рейгана (и имела неоконсервативные корни), по своему происхождению не была преимущественно республиканской. Хотя Рейган и получил на выборах дополнительное число голосов вследствие недовольства многих консервативных республиканцев внешней политикой Никсона – Киссинджера и широко распространенного недовольства итогами президентства Картера, на стратегическое содержание его новой доктрины большое влияние оказали некоторые представители демократов, связанные с президентом Трумэном либо с яростным антикоммунистом сенатором Генри Джексоном. В конце 1970-х годов видные специалисты по внешней политике, такие как Пол Нитце и Юджин Ростоу, работавшие с несколькими президентами-демократами, Ричард Перл, близкий к сенатору Джексону, а также политические теоретики, в частности Джин Киркпатрик, образовали инициативную группу известных консерваторов, организовавших комитет по проблеме «Насущная угроза», выступавший за силовой подход и ужесточение доктрины в отношении Советского Союза.

Через десять лет распад Советского Союза стал интеллектуальным подтверждением победоносной роли Америки не только в недавнем прошлом, но и в будущем. Советское поражение впредь должно рассматриваться не как результат усилий двух партий, а как национальное спасение, достигнутое харизматическим лидером, руководимым группой верных сторонников. При таком пересмотре истории весь период холодной войны сводился к одному десятилетию. Лишь при Рейгане Советскому Союзу был дан настоящий отпор и восторжествовали идеи прав человека. Даже Иоанн Павел II изображался новобранцем Рейгана в их тайных усилиях по ниспровержению Советского Союза.

В действительности за таким карикатурным изображением истории скрывались туманные и запутанные реалии, с которыми столкнулась Америка после победы в холодной войне. Для того чтобы добиться успеха, американская внешняя политика должна была иметь в своей основе четкие моральные установки и ясное понимание добра и зла в таких исторических условиях, которые, по сути, были двусмысленными и не поддавались точному учету. Широкая общественность не может позволить себе пребывать в замешательстве, компромисс – это свидетельство несостоятельности агностиков, а неуверенность – интеллектуальная дисквалифи-

кация тех, кто проводит политику. Америкой должны были руководить сила и ясность, как и раньше, когда будто бы один Рейган выиграл холодную войну.

Трансформация этих посылок в единую цельную доктрину требовала времени. Новое видение мира возникает постепенно, в соответствии с новыми обстоятельствами периода, наступившего после холодной войны, усилиями более молодых членов комитета «Насущная угроза» и группы политиков, связанных с консервативными журналами, а также политических аналитиков. Они разделяли убеждение, что вызов, исходивший от Советского Союза и коммунизма, теперь исходит от арабских государств и воинствующего ислама. Такой взгляд на эти проблемы целиком совпадал с мнением израильской партии «Ликуд» и пользовался значительной поддержкой среди христианских фундаменталистов Америки. Последние образуют более серьезную политическую основу для стратегических взглядов, исходящих от более элитарной первой группы.

На протяжении десятилетия это мнение о перспективе, которое можно охарактеризовать как неоконсервативное, было систематизировано, расширено и нашло выражение в сериях книг, статей, коллективных публичных манифестах, иногда адресуемых президенту США или премьер-министру Израиля. Выражая критические настроения и в отношении послевоенного Атлантического союза на том основании, что европейцы изнежены и безвольны (поддаваясь влиянию Венеры, в отличие от сильных, находящихся под влиянием Марса американцев), новая доктрина призывает смелее полагаться на американскую политическую и военную мощь. Чаше неоконсерватизм оглашается в коротких, порой воинственных заявлениях и статьях, но одной из первых попыток развернутого изложения этой позиции стала книга Роберта Кагана и Уильяма Кристола «Сегодняшние опасности» (*Present Dangers: Crisis and Opportunity in American Foreign and Defense Policy* (2000 г.)), в которой развивается содержание их статьи *Toward a Neo-Reaganite Foreign Policy*, опубликованной в «Форин афферс» в 1996 году.

Хотя эта статья и написана с пылом, свойственным истинно верующим, доктрина, названная неоконсервативной, не содержит полной картины изменений, происходивших в мире после холодной войны. В основном в ней излагается модернизированная версия империализма, не связанная с новой глобальной реальностью и новыми социальными тенденциями. Скорее, книга отражает специфические представления неоконсерваторов о приоритетах на Ближнем Востоке. Помимо страха и гнева, вызванного нападением 11 сентября, неоконсервативный выбор выражается в том, чтобы, воспользовавшись моментом, изложить лишь свои собственные проблемы.

Без 11 сентября доктрина, вероятно, по-прежнему выглядела бы малозначительным явлением, но это катастрофическое событие придало ей видимость актуальности. Вскоре представители неоконсервативного направления в администрации Буша II преобразовали свое мнение в официальную политическую и военную доктрину. Вслед за 11 сентября доктрина переместилась и в сферу внутренней политики. Активно пропагандируемый страх перед терроризмом создал новую политическую культуру, в которой моральная убежденность находится на грани социальной нетерпимости, в особенности по отношению к тем, чье этническое происхождение или внешность дают основание для подозрений. Бдительность в отношении иммигрантов или даже сбившихся с пути профессоров, особенно с проарабскими взглядами на ближневосточные дела, также отражает желание оправдать собственные тревоги. Даже гражданские права иногда уже рассматриваются как помеха эффективной национальной безопасности.

Стремясь к более широкому общественному признанию, такой взгляд на мир, отстаиваемый неоконсерваторами как исторически оправданный новыми глобальными обстоятельствами, приобрел респектабельность благодаря двум подлинно проницательным академическим работам. Их совокупное влияние на формирование исторического восприятия сквозь туман, еще оставшийся от холодной войны, придает новому видению эпохи близкий по духу интеллектуальный контекст. Первой была книга «Конец истории» (*The End of History and the*

Last Man, 1992) Фрэнсиса Фукуямы, который сначала был близок к неоконсервативным кругам, но позднее стал самым активным противником взглядов Чарлза Краутхаммера, ведущего популяризатора неоконсерватизма. Другой, еще более серьезной работой была книга «Столкновение цивилизаций и перестройка мирового порядка» (*The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*, 1996), написанная Сэмюэлем П. Хантингтоном, с самого начала выступавшим с критикой неоконсервативных рекомендаций. Каждая из этих книг содержала глубокую характеристику переживаемого уникального момента истории, раскрывая его сущность и фундаментальные противоречия.

Книга Фукуямы, написанная в традиции гегельянской и марксистской диалектики, показывала, хотя в отдельных местах и вводила в заблуждение, что политическая эволюция человечества увенчалась победой демократии. Этот вывод, встреченный шумным одобрением, был многими воспринят как доказательство того, что демократия стала теперь неизбежной судьбой человечества. (Неоконсерваторы после 11 сентября использовали эту интерпретацию для обоснования своих активистских рекомендаций.) Возможно, лишь название книги вводило в заблуждение, тем более что автор позднее выразил сожаление о том, что был неправильно понят, и утверждал, что его выводы относительно эволюционной модернизации были не так далеко идущими. Но предполагаемая им историческая неизбежность демократии служила серьезным основанием для тех, кто настаивал на том, чтобы Америка всеми доступными ей средствами выступала за продвижение демократии в качестве центрального направления политики США на Ближнем Востоке. Таким образом, догматический активизм сочетался с историческим детерминизмом.

Так же неоконсерваторы использовали и великую цивилизационную интерпретацию Хантингтона (который, в свою очередь, обращался к «Закату Европы» Освальда Шпенглера и «Постижению истории» Арнольда Тойнби: первая была написана вскоре после Первой мировой войны, а вторая – после Второй мировой) для обоснования их представлений об экзистенциальном конфликте с исламом по проблемам основных ценностей. В этом отношении непреднамеренное политическое влияние Хантингтона было даже более сильным, чем влияние Фукуямы. Его концепция, доказанная с большой изощренностью и убедительностью, послужила предупреждающим пророчеством: нельзя позволить себе стать самодостаточными. Но в течение нескольких лет, особенно после 11 сентября, «столкновение цивилизаций» стало широко признанным диагнозом глобальной реальности, еще совсем недавно, в 1990 году, казавшейся отдаленной.

Результатом стала манихейская доктрина, с которой ни один из двух исследователей не мог бы примириться: демократия, провозглашаемая неотвратимой целью развития человечества, вступала в экзистенциальный конфликт с основными ценностями. Но такой результат не редкость: в свои поздние годы Джордж Кеннан жаловался на то, что его широко признанный и открывающий новый путь научный труд, обосновывающий политику сдерживания сталинистской России, был искажен прославляющими его анализ и стремящимися проводить его рекомендации в жизнь. Во всяком случае, понятие «демократический конец истории» как заключительный момент великой коллизии с фундаменталистским исламом стал для неоконсерваторов лучом света, пронизавшим туман после холодной войны.

Таким образом, глобализация как поднимающаяся волна и неоконсерватизм как призыв к действию стали доминирующими на политической сцене, оттеснив альтернативные точки зрения. Тем не менее, чувство облегчения в конце холодной войны вызвало некоторое беспокойство по поводу глубинных проблем Запада, особенно в сфере морали и культуры. Возникли вопросы о перспективной жизнеспособности западной культуры, которая, казалось, все больше утрачивала моральный компас. Отсутствие этого компаса и стало для меня поводом публично поставить вопрос (это было в 1990-м, в университете в Джорджтауне на лекции,

озаглавленной «Послепобедный блюз»), действительно ли поражение коммунизма означает победу демократии.

Этот вопрос рассматривался и в связи с будущим прежних коммунистических стран Восточной Европы и крушением Советского Союза. Для восточноевропейских стран привлекательность Европы была маяком и идеалом. Историческая и географическая близость объединенной Европы помогла бы преодолеть сорокалетнее подчинение коммунистической доктрине. Для России коммунистическое наследие было укоренившимся более прочно и к тому же усугублялось имперскими традициями старой России и ностальгией по их возрождению. Можно было бы полагать, что поэтому логичным курсом для Запада должна быть долговременная политика, направленная на вовлечение России в более тесные отношения с Европой, но не было заметно, что кто-либо в Вашингтоне серьезно и конструктивно думает над этим вопросом.

Терзающее Запад беспокойство, особенно в Америке, о доминирующих настроениях в обществе вызвало у меня озабоченность, поскольку ни одна из двух соперничающих концепций не была в историческом плане достаточной для того вызова, перед которым оказалась Америка – и стратегического, и философского. К какой важнейшей цели теперь, после поражения коммунизма, должны стремиться граждане демократического Запада? Для многих представителей высшего и среднего класса ответ заключался в двух словах: гедонистский релятивизм – без глубоких убеждений, без трансцендентального сознания, с хорошей жизнью, определяемой главным образом промышленным индексом Доу Джонса и ценой бензина. Но тогда дихотомия гедонистского релятивизма Запада и абсолютизма вдруг обнищавших жителей прежнего советского пространства и политически пробудившегося развивающегося мира только увеличит всеобщее разделение. Ответ должен быть найден путем морального определения мировой роли Америки. Иначе всемирное лидерство Америки было бы недостаточно легитимным.

Таким образом, привлекательной моральной основой политики должны быть гуманные соображения. В этом случае права человека превращаются в глобальный приоритет, что отвечает устремлениям политически активной массы людей. Просвещенная политика, основанная на моральной убежденности, должна также усилить способность руководства добиваться общего согласия, а не вызывать манихейское разделение. Напротив, отсутствие моральной убежденности сохраняет возможность для демагогов использовать внезапно возникающие кризисы и новые страхи. Именно такого рода опасения побудили меня написать («Без контроля», 1993), что «затруднения Америки в осуществлении эффективного глобального руководства... могут породить ситуацию, усиливающую глобальную нестабильность... и приводящую к возвращению тысячелетней демагогии», и даже высказать мнение, что «фаза американского превосходства, возможно, не будет длительной, несмотря на очевидное отсутствие кандидата на ее замещение».

По сути, уже начиная с 1990 года стоял вопрос: обладает ли Америка достаточными способностями для осуществления руководства миром в то время, когда политические и социальные ожидания человечества перестали быть пассивными, а сосуществование различных религий и культур происходит, как в скороварке, под давлением, создаваемым их взаимодействием? Три следующих один за другим американских президента – Джордж Г. У. Буш, Уильям Дж. Клинтон и Джордж У. Буш – имели возможность ответить на этот вопрос не в форме философской абстракции, а реальными политическими делами. Первый из них стремился проводить традиционную политику в нетрадиционных условиях, когда два соперничающих взгляда на мировое устройство еще находились в стадии кристаллизации. Второй придерживался мифологизированной версии глобализации, будучи в положении вершителя судеб человечества. Третий принял на себя военные обязательства, чтобы руководить в мире, догматически представляемом двухполярной системой, образуемой добром и злом.

3

Первородный грех (и тупики ограниченного мышления)

Сегодня мы вступили в эпоху, когда в основе прогресса будет лежать общечеловеческий интерес. Осознание этого требует, чтобы и мировая политика определялась в первую очередь общечеловеческими ценностями... Дальнейший мировой прогресс возможен теперь лишь через поиск консенсуса в движении к новому мировому порядку.

Михаил Горбачев, из выступления на Генеральной Ассамблее ООН 7 декабря 1988 г.

Началось новое партнерство стран, и мы переживаем сегодня уникальный и необычный момент истории... Из волнений этого тревожного времени... может возникнуть новый мировой порядок... в котором государства всего мира – Восток и Запад, Север и Юг – смогут процветать и жить в состоянии гармонии.

Джордж Г. У. Буш, из выступления на объединенной сессии Конгресса США 11 сентября 1990 г.

«Новый мировой порядок» стал брендом Джорджа Г. У. Буша – часто повторяемое определение его видения мира. Но эта фраза не принадлежала ему и недостаточно точно характеризовала его внешнеполитический курс. Выступая в Конгрессе и провозглашая приверженность «новому мировому порядку», Буш, не давая четких обязательств в отношении своих намерений, признался, что «разделял это мнение с президентом Горбачевым», когда они «встречались несколько недель назад». А Горбачев использовал эту фразу задолго до этой встречи. Буш был не мечтателем, а искусным практиком силовой политики и традиционной дипломатии в нетрадиционное время. Не обладая историческим воображением, он воспринял лозунг Горбачева, но никогда серьезно не пытался его осуществлять.

Президентство Буша I совпало с волной потрясений, прокатившейся по Евразии. Одни кризисы развивались, другие внезапно возникали на этом обширном пространстве, бывшем в течение предшествовавших четырех десятилетий главной ареной грандиозного стратегического соперничества между Соединенными Штатами и Советским Союзом. Это соперничество выражалось в конфронтации на трех стратегических фронтах: на западе оно определялось границами НАТО, на востоке – демаркационной линией, разделяющей Корею, и Формозским проливом, на юге, в районе Персидского залива, – доктриной, провозглашенной Картером в ответ на советское вторжение в Афганистан. К этому разделению теперь добавлялись возникавшие на флангах политические, этнические и религиозные волнения на Балканах, Ближнем Востоке и в Восточной Азии и особенно внутри самого советского блока.

В отношении этих очагов конфликтов Буш проявил как силу, так и сдержанность. Он был мастером кризисного урегулирования, но не был стратегическим провидцем. Его действия в связи с распадом Советского Союза были решительны, а международная акция в ответ на агрессию Саддама Хусейна организована с большим дипломатическим искусством. Но ни один его триумф не превратился в длительный исторический успех. Уникальное политическое влияние Америки и ее моральная легитимность не нашли стратегического применения ни в трансформации России, ни в умиротворении на Ближнем Востоке. Справедливости ради стоит отметить, что Буш сталкивался с такими глубокими и масштабными беспорядками на мировой арене, как ни один из президентов США за весь период с конца Второй мировой войны. К счастью, он был опытным и знающим политиком и не нуждался в подсказках, при этом был хорошо

известен большинству иностранных государственных деятелей и обычно пользовался их уважением. Он быстро сформировал свою внешнеполитическую команду и уверенно руководил ею. Какие бы оговорки ни делались в дальнейшем в отношении его наследия, он подобрал себе хороших главных советников по внешнеполитическим вопросам. Буш выбирал близких к нему людей, способных работать в команде и принимавших установленное им разделение труда. Совет по вопросам национальной безопасности возглавил Brent Скоукрофт, выполнявший обязанности советника президента по вопросам внутренней политики и друг семейства Бушей, в то время как государственный секретарь Джеймс Бейкер действовал как надежный переговорщик за пределами США.

Очевидно, что внешней политикой США руководил сам Буш. Стратегические решения шли сверху вниз, а не наоборот – от аппарата СНБ или Государственного департамента. Буш работал в тесном контакте с тремя ключевыми советниками высшего уровня (два упомянутых выше и министр обороны Ричард Чейни). Всех их он знал лично. Но время от времени он приглашал к себе для беседы наедине в Овальном зале аутсайдеров (я приглашался для консультаций по Советскому Союзу и Польше). Буш безусловно был первым среди равных – хорошо информированным и уверенным государственным деятелем, принимавшим окончательное решение. СНБ работал ровно, сосредоточенно, в четкой иерархической системе, своевременно реагируя на беспрецедентные исторические повороты событий.

Мир, в котором работала команда Буша, разваливался, поддающаяся определению и исторически понятная эпоха подходила к своему концу. Но курс, который предстояло проводить, не был очевиден. Буш должен был определить приоритеты, заглянуть вперед, за сегодняшний и завтрашний день, иметь ясность в выборе направления движения и действовать соответственно, чего он никогда как следует не делал. Он прежде всего сконцентрировался на деликатной задаче мирного управления процессом демонтажа советской империи, а затем на устранении непомерных амбиций Саддама Хусейна. Обе задачи он решил блестяще, ни одну при этом как следует не используя.

Распад Советского Союза в декабре 1991 года совпал с серединой президентства Буша. Этой датой можно отметить начало глобального верховенства США. Но этому событию предшествовали и продолжались после него усиливавшиеся беспорядки во всем советском блоке, любая политическая реакция на которые осложнялась тем, что могла вызвать вспышки насилия и политические взрывы за пределами советской сферы в различных частях Евразии. (Возможно, читателю интересно будет ознакомиться с основной хронологией событий, происходивших в годы президентского срока Буша, которая приводится ниже, чтобы почувствовать чрезвычайно высокий темп изменений, с которым столкнулась команда Буша в первые четыре года.)

Международная хронология с января 1989-го по декабрь 1991 года.

Февраль 1989 года.

Через несколько дней после прихода Буша в Белый дом советские войска были выведены из Афганистана, куда они вторглись в конце 1979 года, при этом так и не было подавлено упорное афганское сопротивление, поддержанное полузамаскированной коалицией США, Великобритании, Пакистана, Китая, Саудовской Аравии и других стран.

Сентябрь 1989 года. Движение «Солидарность» в Польше формирует первое в советском блоке некоммунистическое правительство. Подавленная введенным в 1981 году военным положением «Солидарность» в конце

1980-х поднимается, как Феникс из пепла, и летом 1989-го (менее чем через полгода после инаугурации Буша) добивается проведения первых на всем советском пространстве свободных выборов. Этому беспрецедентному событию предшествует стихийное массовое движение, начавшееся повсюду в Восточной Европе – в Венгрии, нечто подобное в Польше – в октябре, в Чехословакии – в ноябре, в Болгарии и Румынии (в последней с актами насилия) – в декабре.

4 июня 1989 года. Протест на площади Тяньаньмэнь. В Китае динамичная программа социально-экономических реформ, начатая Дэн Сяопином за десятилетие до этого, привела к бурному росту производительности, инновациям, ускорению экономического развития, а также усилению политического брожения. Социальные выступления, особенно среди интеллектуальной части молодежи и студентов университета, вызвали вспышку активности, вылившуюся через несколько дней в демонстрацию с требованиями демократизации. Этот самый серьезный вызов режиму за весь период с 1949 года был кроваво подавлен танками на площади Тяньаньмэнь.

Июнь 1989 года. Аятолла Рухолла Хомейни, духовный и политический лидер и отец фундаменталистского режима в Иране, умирает через десять месяцев после окончания почти десятилетней бесплодной войны между Ираном и Ираком. Начатая Ираком в сентябре 1980 года, это была чрезвычайно кровавая война, в которой ни одна из сторон не добилась перевеса. Конфликт безрезультатно закончился в августе 1988 года. Число погибших составило почти миллион человек.

9 ноября 1989 года. Падение Берлинской стены. Коллапс советского контроля в Польше, Венгрии и Чехословакии изолирует восточногерманский режим и приводит к драматическому разрушению Берлинской стены. Еще примерно год Буш будет успокаивать своих главных западноевропейских союзников и получит вынужденное советское согласие на воссоединение Германии в октябре 1990 года.

Август 1990 года. Саддам Хусейн, видимо пытаясь компенсировать неудачу своей иранской авантюры, захватывает Кувейт. В середине января 1991 года Соединенные Штаты начинают воздушные военные действия против сил Саддама, за которыми в феврале последовало наступление на суше, приведшее к разгрому иракской армии и освобождению Кувейта.

1990 год. Кризис советской системы развязывает руки Соединенным Штатам и дает возможность разделаться с поддерживаемым Кастро антиамериканским популистским повстанческим движением в Центральной Америке. Авантюристический правитель Панамы Мануэль Норьега лишился союзников. После высадки американских парашютистов в столице Панамы в декабре 1989 года Норьега оказался в цепях в американской тюрьме. В 1990 году левое повстанческое движение в Сальвадоре и гражданский конфликт в Никарагуа сошли на нет, а прекращение советской экономической помощи Кубе ввергло режим Кастро в жесточайший экономический кризис. Осенью 1992 года, за месяц до начала президентских выборов в США, президентами Соединенных Штатов и Мексики и премьер-министром Канады было подписано Соглашение о североамериканской зоне свободной торговли.

1990–1991 годы. Еще до агонии Советского Союза Литва, захваченная Сталиным в 1940 году в результате тайного соглашения с Гитлером, начинает активно требовать возвращения своей независимости. В начале 1991 года то

же делают Эстония и Латвия. Вспышки националистических выступлений происходят в советских Азербайджане и Грузии, которыми Россия владела почти два столетия.

Июнь 1991 года. На Балканах Хорватия и Словения объявили о своей независимости. Югославия – многонациональное государство, возникшее после Первой мировой войны, – находилась в состоянии внутреннего кризиса со времени смерти маршала Тито в 1980 году. Теперь она начинает повторять судьбу Советского Союза. Заявив о своем несогласии с доминирующим положением Сербии, Хорватия и Словения положили начало цепной реакции, которая постепенно разрушает государство и через несколько лет приводит к операции НАТО против Сербии.

Август 1991 года. Неудавшийся путч против Горбачева, предпринятый сторонниками жесткой линии, политически укрепляет позиции Ельцина, объявляющего о роспуске Коммунистической партии Советского Союза (КПСС). Четыре месяца спустя прекращает свое существование и сам Советский Союз и Горбачев становится безработным.

1 декабря 1991 года. В ходе национального референдума 50 миллионов жителей советской Украины проголосовали за ее независимость. После трехсот лет российского правления во второй половине 1980-х годов агитация за независимость на Украине усилилась. В ноябре 1990 года Борис Ельцин, незадолго до этого объявленный российским лидером, но во все еще существующем СССР во главе с Горбачевым, в исторической речи, произнесенной в Киеве, отрекся от имперского наследия России. Референдум подтверждает желание украинского народа стать независимым.

Большинство событий, перечисленных в хронологии, имели сложные международные последствия, заслуживающие заголовков на первых полосах газет. Они требовали точной оценки и трудных политических решений. Один или два крупных международных кризиса в год для современных президентов, наверное, считаются обычной вещью, но так много кризисов и к тому же почти синхронных – явление экстраординарное. Целая эпоха вдруг подошла к концу. Развал первой коммунистической державы и сопровождающий его каскад революционных событий охватили весь процесс политических решений. В этой обстановке понятие нового мирового порядка могло служить хотя бы руководством и удобной, даже целесообразной программой действий. Оно давало уверенность и хотя бы слабую надежду, создавая пространство для разнообразных политических вариантов.

Победоносная дипломатия

Приоритетной задачей было отрегулировать процесс развала коммунистического мира таким образом, чтобы он не привел к мощному международному взрыву, которого пока удавалось избежать. Буш и Скоукрофт в совместно написанных мемуарах «Мир стал иным» признают, что они не хотели повторения беспорядков в Восточной Европе, как в 1953, 1956 и 1968 годах, когда начинавшаяся либерализация вызывала ответную реакцию советской стороны. Теперь целью была трансформация, а не просто стабилизация.

Поэтому команда Буша была озабочена тем, чтобы беспрецедентный призыв Горбачева к новым формам глобального сотрудничества не вызвал разногласий в Атлантическом сообществе. Они опасались, что Францию, руководимую Франсуа Миттераном, и Великобританию, руководимую Маргарет Тэтчер, испытывавших опасения перед воссоединенной Германией, Горбачев может втянуть в сделку, которая укрепила бы разваливавшуюся советскую струк-

туру. Команда Буша видела, что европейская и американская пресса была крайне отрицательно настроена из-за явного отсутствия какой-либо инициативы со стороны США в отношении привлекательных предложений Горбачева и усиливавшегося советского кризиса.

Волнения в коммунистическом мире не ограничивались только советским пространством. Китай, казалось, тоже находился на грани взрыва. Когда летом 1989 года в Польше терпел поражение навязанный Советами режим, социальное недовольство вышло на поверхность и в Китае. С размыванием границ между политическим контролем и социально-экономической либерализацией небывалая волна студенческих выступлений за демократию выглядела в тот момент так, словно и китайский коммунистический режим мог взорваться.

События в конце мая и начале июня 1989 года, кульминацией которых стала кровавая расправа над студентами на площади Тяньаньмэнь в Пекине, имели важное значение для проводимой администрацией Буша стратегии в отношении общего кризиса коммунизма. Возведение статуи, названной «Богиня демократии», поразительно напоминавшей Статую Свободы, в самом сердце столицы коммунистического государства было символическим событием. Является ли прогрессирующая болезнь советской системы такой же разрушительной, как и демократическая революция против укрепившегося режима в Китае? Должны ли Соединенные Штаты связывать себя с этим, делая рискованную ставку на стратегически выгодное китайско-американское сотрудничество, начатое администрацией Никсона и получившее значительное развитие при Картере? И каковы будут последствия, если взрыв приведет к гражданской войне в Китае?

Прежде чем на эти вопросы могли быть даны ответы, восстание студентов было безжалостно подавлено танками и смертоносным огнем – как раз в тот день, 4 июня, когда коммунисты лишились власти в Польше. Расправа в Китае была грубой, решительной и эффективной. (Примерно за год до этих событий я обедал в Пекине с Ху Яобаном, бывшим тогда генеральным секретарем Коммунистической партии Китая, и был поражен его открытыми высказываниями за либеральные реформы на считавшейся закрытой встрече. Излагавшиеся им взгляды показывали, что по крайней мере часть высшего руководства выступает за далекоидущие изменения в политической системе. Вскоре после нашей встречи Ху был отстранен от власти и умер еще до студенческих выступлений. Но в высшем китайском руководстве явно были разногласия и во время тяньаньмэньского кризиса.)

Подавление выступлений облегчило выбор Буша, и ответные меры США отражали традиционный подход его администрации: осторожность, закрытая дипломатическая реакция, соответствующие заверения, подтверждение преемственности и в то же время уклонение от какого-либо ассоциирования с требованиями демонстрантов. Справедливости ради стоит сказать, что беспорядки в Китае на фоне растущей неопределенности в советском блоке ставили Буша перед дилеммой. Он не хотел подвергать риску стратегические отношения между США и Китаем, получившие развитие после решительных действий президента Картера в направлении нормализации отношений в конце 1970-х годов, но при этом знал, что симпатии американского народа и Конгресса были на стороне студентов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.